

МОДУЛЯРНАЯ КОНСТРУКЦИЯ РАЗГОВОРА

Реферат относится к ряду исследований разговора (в котором реализуется одна из главных функций языка, функция коммуникативная), являющегося основной формой функционирования разговорного языка. Автор настоящей работы занимается структурой разговорного текста.

Под "разговором" мы понимаем ряд следующих друг за другом (хотя иногда и наслаивающихся) высказываний по крайней мере двух человек, которые в нём участвуют. Иногда у постороннего наблюдателя возникает впечатление, что в разговоре нет никакого порядка, а, наоборот, царит хаос, подобные чувства появляются и у читателя записанных разговоров. Однако исследования над эмпирическими текстами показали, что разговор – это организация, руководствующаяся правилами синтаксической, семантической и/или прагматической последовательностью.

Разговор с его феноменом полиаспектности и изменчивости поражает:

Oszołomiony gwarem rozmów obracających się jak w kalejdoskopie od *da-sein* do boksu, od marksizmu do uporu, z jakim Wiktor Hugo chciał zmodyfikować dźwięk fortepianu wkładając pod struny kawałki szkła, kule z bibułki i lodygi kwiatów, wyszedłem na taras [...] Zawsze bardzo mnie bawiło na tych zebraniach dziwaczne migotanie myśli przeskakującej od kabały do egzystencjalistycznej *angoise*, poprzez projekty założenia farm na Zachodzie, gdzie sztukę niektórych artystów zabezpieczy hodowla kur rasy Leghorn lub Rhode Island Red. Zawsze lubiłem te nagłe przeskoki od spraw transcendentalnych do dziwactw, od teatru elżbietańskiego do Gnosis, od platonizmu do akupunktury. Miałem nawet zamiar nagrać pewnego dnia przy pomocy magneto-

fonu, ukrytego pod którymś z mebli, te rozmowy wykazujące zawrotną eliptyczność procesu myśli i języka. [Alejo Carpentier. *Podróż do źródeł czasu*. Warszawa 1973: 33]

Языкознание реализовало эту идею фиксации разговорных текстов. Интерес к разговорному языку, означающий в современной лингвистике методологический поворот, следует связывать с технологическим фактором: “магнитофонной революцией”, хотя в настоящее время правильнее бы было говорить о “видеомагнитофонной революции”. Короткий просмотр исследований в области микроанализа вербальных зафиксированных интеракций должен охватить следующие работы:

1. наиболее серьёзными и продолжительными являются исследования группы, сосредоточенной вокруг Грегори Бейтсона (Gregory Bateson): *The Natural History of an Interview* (McQuown & al., 1971); похоже, эти исследования были исключительно серьёзны, авторы стремились к описанию, полностью исчерпывающему данный вопрос. Из—за гигантского объема работа была признана невозможной для опубликования. Она нашла место (в виде машинописи) на полках университетской библиотеки в Чикаго, хотя некоторые её фрагменты всё-таки были опубликованы;
2. также следует указать польские попытки: снятый Генриком Недзельским (Henryk Niedzielski) в 1989 году на видеомагнитофонную плёнку 63-минутный фильм *Polish Body Language* (*Польский язык тела*): одним из выводов автора является то, что зафиксированные им примеры польской невербальной коммуникации непонятны или трудны для понимания обыкновенному иностранцу, хотя они входят в каждодневный обиход почти каждого поляка.

В Польше предшественником исследований эмпирических разговорных текстов была Кристина Писаркова (Krystyna Pisarkowa, *Składnia rozmowy telefonicznej*, 1975). Организация построения разговорного текста начала изучаться сравнительно недавно. При этом используются разные методологии, от структуралистических до прагматических и интеракционных. Так, Я. Мазур (Mazur J., 1986), представляя организацию построения разговорного текста, одним

из важнейших элементов которого является его (текста) сегментация, в основном сосредоточивает свое внимание на анализе влияния на него внешних факторов; с этой целью он использует концепцию функциональной перспективы высказывания. Центральным объектом исследований Я. Вархали (Warchala J., 1991) является замена: "[...] её структура, внутренняя упорядоченность, функция её отдельных элементов и их взаимосвязь, а также описание функционирования замены как целого в рамках макроструктуры диалога, т.е. вхождение данной замены в контакт с окружающим её контекстом" (Warchala, 1991: 9). У. Жидек-Беднарчук (Żydek-Bednarczuk U., 1994) в своём описании языковой структуры разговорного текста, которую она исследует как явление диалогическое, вводит понятие шагов в разговоре, которые понимает "[...] как самую маленькую единицу разделения текста" (Żydek-Bednarczuk, 1994: 55). М. Кита (Kita M, 1998) представляет интервью (жанр связанный с разговором) в виде системы элементов, иерархически связанных между собой. Отметим следующие записи польского разговорного языка:

- K. Pisarkowa, 1975: *Składnia rozmowy telefonicznej*. Kraków.
 W. Lubaś, red., 1978, 1980: *Teksty języka mówionego mieszkańców miast Górnego Śląska i Zagłębia*. T. 1–2. Katowice.
 B. Dunaj, red., 1979: *Wybór tekstów języka mówionego mieszkańców Krakowa*. Kraków.
 M. Gruchmanowa, M. Witaszek-Samborska, M. Żak-Święcicka, 1987: *Mowa mieszkańców Poznania*. Poznań.
 M. Kamińska, red., 1989: *Wybór tekstów języka mówionego mieszkańców Łodzi i regionu łódzkiego: generacja najstarsza*. Łódź.
 M. Kamińska, red., 1992: *Wybór tekstów języka mówionego mieszkańców Łodzi i regionu łódzkiego. Generacja starsza, średnia i najmłodsza*. Łódź.
Wybór tekstów polonijnych z Francji. Wstęp i opracowanie J. Porayski-Pomsta. 1993. Warszawa.

Под разговором, который мы считаем сложным (синтетическим) речевым жанром (согласно теории Бахтина), мы понимаем интеракцию, происходящую в определённых границах, в течение которой говорящие приводят – по разному поводу и в разных целях – другие интеракции и / или речевые жанры. Назовём их **модулями**. Почти идентичные с этими жанрами, модули представляют собой

“эпизод”, совершающийся в пределах доминирующего жанра. Разговор может включать в себя один модуль или быть представленным последовательностью модулей.

К свойствам, которые определяют жанровую модель разговора, относится:

1. диалогичность,
2. многоканальность и множественность кодов,
3. непосредственный контакт между участниками во времени и пространстве (то есть общее ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС),
4. неофициальная сфера функционирования, своего рода “фамильярность”, основанная на отношениях между людьми, спонтанности каждодневного разговора, происходящего, однако, согласно скрытым правилам, отсутствию заранее планируемых цели и тем для разговора,
5. равенство собеседников, которые в ходе разговора имеют одинаковые права и обязанности,
6. ориентация на контакт или на подтверждение связи между говорящими; целью разговора является разговор сам по себе: мы разговариваем для того, чтобы устанавливать и поддерживать контакты, для удовольствия, “из вежливости”,
7. доминанция сотрудничества говорящих во время разговора над соперничеством или конфликтом между ними.

При определённых таким образом свойствах становится очевидным, что разговор как жанр может быть актуализирован в многочисленных разновидностях, таких как беседа, разговор за столом, болтовня, сплетни, “ночные разговоры на кухне” или интимный разговор. Разделяющие их отличия, которые проявляются даже в различной номинации, никоим образом не нарушают основ дефиниции разговора. Итак, беседа – это разговор, уместающийся в формуле “непринуждённый, легкий, и приятный”, который ведут “для удовольствия”; разговор “за столом”, определяется местом, благоприятствующим семейным контактам или налаживанию и поддержке контактов; “ночные разговоры на кухне” ведутся главным образом о политике; сплетни касаются знакомых и их проблем, а болтовня это разговор “обо всем и ни о чём”. Эти разновидности (а исследователи выделяют также иные типы разговоров, например У. Жидек-Беднарчук (1994) выделяет: разговоры, связанные с внеязыковой

человеческой деятельностью; разговоры, связанные с познавательной-теоретической человеческой деятельностью; дружеские разговоры, а также разговоры, имеющие целью удовлетворение психической потребности) отличаются тематической доминантой, а также – частично с ней коррелирующей – шкалой настроений: от лёгкого тона до патетического, который обычно замаскирован. Также могут быть различны отношения между собеседниками.

Несмотря на то, что жанровые разновидности разговора сосуществуют, во временной перспективе их позиция и значение в контактах между людьми подвергаются изменениям. Исчезает та разновидность, функции которой когда-то определялись как “развлечение кого-либо разговором”, то есть беседа. Уменьшается время, посвященное разговорам “за столом”, что является отражением изменений в стиле жизни и в формировании новых моделей семейной жизни (речь идет о интегрирующей функции стола в польской культуре). “Ночные разговоры на кухне”, при помощи которых занимались политикой “частным порядком” в восьмидесятые годы, перестали быть повседневной формой обмена мнениями на политические темы “обычных людей” в девяностые.

В связи с цивилизационным и технологическим развитием появились и получили широкое распространение те разновидности разговора, в которых его жанровые параметры подвергались определенной модификации. Итак, в телефонном разговоре нет общего для собеседников ЗДЕСЬ, хотя остаётся общее СЕЙЧАС. Это значит, что при таком разговоре нет визуального контакта между говорящими, т.е. невозможно использование при коммуникации визуальных неязыковых средств, при сохранении, однако, кода звукового характера. Отсутствие совместного пространства, в котором бы протекал разговор, означает необходимость отказа от употребления некоторых местоимений; в то время как их наличие и высокая частотность в разговоре типа *face to face* является одной из наиболее характерных черт разговорного языка. Телефон, а в последнее время и компьютер, приводят к тому, что: “[...] wyzwalamy się z zahamowań i korzystając z niewidoczności własnej, a także z ulotności formy przekazu, skierujemy inwencję myślową w strumień <<języka telefonicznego>>” (Pisarkowa, 1975: 10), а в последнее время “компьютерного”. Может, отсюда вытекает всё возрастающий в послед-

нее время интерес к телефонным и компьютерным дружеским контактам.

Так как разговор и другие диалогические жанры, основанные на принципе замены, имеют общие структурные (конструкционные) элементы, появляется возможность проникания других жанров или жанровых разновидностей в рамки разговора, в пределах которого действуют относительно малые ограничения разной природы. Таким образом, в ходе одного разговора можно наблюдать обращение к модели и стратегии дискуссии, переговоров, интервью, психоаналитического сеанса, допроса, сплетен, беседы, “бабской болтовни о тряпках” и т. п. Так, в разговоре появляются жанры монологического характера, среди которых можно бы перечислить лекцию, описание, рассказ. Кроме того, собеседники обращаются к литературным жанрам, особенно к малым, как например анекдоты (шутки, остроты), приводят пословицы и поговорки (чтобы акцентировать принадлежность к некой общности) и афоризмы (“крылатые слова”). В девяностые годы в разговорах всё чаще цитируются рекламные лозунги, которые в “глобальной деревне” может быть принимают интегрирующую функцию пословиц и поговорок. Также используют стиль модных в данный период писателей или культурных явлений; так была мода на стиль Хласко (Marek Hłasko), Гомбровича (Witold Gombrowicz), кабарежных текстов – Яцека Федоровича (Jacek Fedorowicz), Яцека Качмарского (Jacek Kaczmarski), Яна Тадеуша Станиславского (Jan Tadeusz Stanisławski), Марии Чубашек (Maria Czubaszek), Ольги Липинской (Olga Lipińska) и т. д. В то же время наблюдается снижение употребления в разговорах литературных цитат и намёков, связанных с различными областями культуры (мифологией, Библией, литературой). На их месте появляются намёки из области политики и рекламы (сенкевичевское “Osięć, prać?” утратило связь с литературой, стало рекламным лозунгом²).

В разговоре могут встретиться – использованные в функции модулей – разные речевые жанры (и жанровые разновидности), жанры литературные и паралитературные, жанры как простые, так и сложные, коррелирующие с ними разные стилистические и языковые разновидности. Разговор кажется жанром открытым, способным вместить в себя чуть ли не все другие жанры, особенно те из них, которые тоже имеют характер диалога. Другие жанры обнару-

живают более ограниченную и дифференцированную способность (возможность) принять в себя модуль. Так, в интервью (в печати, на радио или на телевидении) используются языковые средства других диалогических интеракций. В них можно встретить элементы разговора, психоаналитического сеанса, научной дискуссии, разговора специалистов, консультации, переговоров, сплетен и т. д. (см. Kita 1998). В консультацию с врачом может проникнуть модуль обычного разговора, особенно если участники этой интеракции находятся в близких дружеских отношениях. В разговор, происходящий в пределах интеракции типа: клиент – продавец, может проникнуть модуль дискуссии (напр. в книжном магазине во время покупки книги). Менее податливыми для вплетения модулей кажутся жанры, обладающие значительно большими ограничениями, например, научная дискуссия, допрос или ссора.

Модули, в понятии структуральном, могут иметь форму (размер) замены или последовательности замен (см. Warchala 1991; Kita 1998). В иерархической модели разговора Р. Виона (Vion R., 1992) модуль трактуется как единица, стоящая на более низкой ступени иерархии, таким образом он размещается между интеракцией и последовательностью замен.

Модуль обладает иной, нежели остальные элементы, природой. В этот момент происходит изменение определенных элементов интеракции. Оно приводит к некоторой модификации границ доминирующей интеракции. Поскольку модуль может быть погружён (на какое-то время) в доминирующую интеракцию, и после этого момента участники разговора возвращаются к предыдущей системе, необходимо поставить вопрос о функции модуля, о намерениях собеседников, использующих в ходе определенной интеракции другой тип интеракции. Например, это может быть желание изменить отношения на менее официальные, неприятие со стороны одного из участников навязанного другим участником типа интеракции, намерение развлекательного характера.

В поисках способов введения данного модуля и возвращения к разговору наблюдается существование формул метаязыкового характера, которые указывают на изменение доминирующего жанра. Вербализованные формулы крайних точек модуля позволяют отразить намерение участника / участников интеракции, которые со-

путствуют (мгновенному) переходу к появившемуся в виде модуля другому типу интеракции. Модуль интеракции другого типа может быть вставлен в разговор без каких—либо метаязыковых сигналов; тогда участники могут рассчитывать только на коммуникативную компетенцию слушающего и предполагать, что он заметит отличие нового сегмента и сумеет соотнести его с правильным типом интеракции.

Обращение к модулярной конструкции разговора позволяет выяснить те его свойства, которые определяются в лингвистической литературе как “неоднородность”, “сложность”, “полиаспектность” или “хаотичность”. Это добавляет очередной инструмент, позволяющий описать разговор как речевой жанр, т. е. упорядоченную структуру.

БЕЛЕЖКИ

¹ В тексте оригинальном – wzmiana, прим. перев.

² Г. Сенкевич в своих исторических произведениях широко использует старопольский язык, где данная фраза означает: “Отец, бить?”. В современном языке “prać” означает “стирать”. Этот оборот стали использовать как лозунг в рекламе стирального порошка. (прим. перев.)

ЛИТЕРАТУРА

- Kerbrat-Orecchioni, C.**, 1990: *Les interactions verbales*. T. 1. Paris.
Kita, M., 1998: *Wywiad prasowy. Język – gatunek – interakcja*. Katowice.
Mazur, J., 1986: *Organizacja tekstu potocznego. Na przykładzie języka polskiego i rosyjskiego*. Lublin.
Pisarkowa, K., 1975: *Składnia rozmowy telefonicznej*. Wrocław.
Roulet, E., Auchlin, A., Moeschler, J., Rubattel, C., Schelling, M., 1987: *L'Articulation du discours en français contemporain*. Berne.
Vion, R., 1992: *La Communication verbale. Analyse des interactions*. Paris.
Warchala, J., 1991: *Dialog potoczny a tekst*. Katowice.
Żydek-Bednarczuk, U., 1994: *Struktura tekstu rozmowy potocznej*. Katowice.

Перевела **Светлана Некрасова**